

СОКРОВИЩА ЗАМКА ХОХБЕРГ

Иракий
АНДРОНИКОВ

НАЧАЛАСЬ эта история в 1836 году, когда двадцатилетняя Александра Михайловна, или, как ее называли в ту пору, Сашенька Верещагина, одна из московских кузин М. Ю. Лермонтова, уехала с матерью за границу. В Лондоне, в салоне русского посла Поццо ди Борго она познакомилась с бароном Карлом фон Хюгелем, министром иностранных дел королевства Бад-Вюртемберг, вскоре вышла за него замуж и поселилась в Германии, попеременно живя то в Штутгарте, то в фамильном замке Хюгелей Хохберг. Она бережно хранила все, что напоминало ей о России, и прежде всего рисунки и автографы юного Лермонтова, которые он в бытность свою московским студентом вносил в ее альбомы или набрасывал на отдельных листках, хранила письма поэта.

После того как Верещагина уехала из России, родные продолжали посылать ей новые лермонтовские стихи, сообщали ей о переменах в судьбе поэта. И она доказала, что Лермонтов не напрасно считал ее одним из самых близких и самых верных своих друзей.

Когда Лермонтова не стало, двоюродная сестра Верещагиной — Варвара Александровна Лопухина, та самая, которую Лермонтов нежно любил и которой посвятил «Демона», опасаясь, что муж ее Н. Ф. Бахметев, ревновавший ее к памяти Лермонтова, не уничтожил бы принадлежащие ей лермонтовские реликвии, проездом через Германию подалась с Верещагиной и все, что имела, отдала на хранение ей. Таким-то вот образом рукописи и живописные работы великого русского поэта оказались в Штутгарте и в замке Хохберг.

В 1856 году Верещагина с помощью родственника Лермонтова генерала А. И. Философова решила напечатать «Демона» в России издать поэму не разрешала цензура. Поэма впервые вышла на русском языке в Карлсруэ. В следующем году издание было повторено с некоторыми отличиями. Рукопись привез с собой из России Философов. Одновременно в той же типографии Гаспера в Карлсруэ впервые увидела свет юношеская поэма Лермонтова «Ангел смерти».

В 1873 году Верещагина умерла. Прошло несколько лет. В Штутгарт приехал профессор Дерптского университета П. А. Висковатов, собиравший материалы для биографии Лермонтова и для полного издания его сочинений. Он обратился к дочери Верещагиной — графине Берольдинген с просьбой допустить его к работе над семейным архивом. Графиня ответила, что письма Лермонтова ее мать уничтожила, потому что они были чересчур саркастичны и задевали широкий круг лиц. Исследователю достались только два случайно уцелевших письма поэта. Автопортрет Лермонтова в бурке, писанный на фоне Кавказских гор в 1837 году и подаренный Варваре Лопухиной, графиня Берольдинген Висковатову отдать отказалась.

На просьбу посмотреть, не сохранилось ли чего-нибудь в замке, дочь Верещагиной отвечала, что после смерти матери она ничего не трогала и не разбирала, что она поручит это своему управляющему и, если что-то найдется, пришлет. Действительно, в 1882 году Висковатов получил из Штутгарта список баллады «Гость», и стихотворения, написанного Лермонтовым по-французски, и принадлежавшие А. М. Верещагиной подлинные альбомы со стихами и рисунками Лермонтова, которые графиня одолжила Висковатову с непременным условием, что он возвратит их.

Прошло много лет. Все попытки исследователей получить хотя бы фотографии с этих автографов и рисунков кончились ничем.

В 1946 году я подал в руководящие инстанции докладную записку о материалах, находившихся в свое время в замке Хохберг и Штутгарте, с предложением предпринять поиски. Вышло решение: к поискам приступить. Но осложнилась международная обстановка.

В 1955 году член-корреспондент Академии наук В. Н. Лазарев сообщил мне,

что на съезде искусствоведов в Константинополе познакомился с профессором Винклером из ФРГ, который вручил ему цветные диапозитивы с автопортрета в бурке и с акварели Лермонтова, изображающей Лопухину. И что он, В. Н. Лазарев, по возвращении в Москву подарил эти диапозитивы лермонтоведо Н. П. Пахомову.

Не зная точного адреса, я написал профессору Винклеру в Мюнхен, на адрес Пинакотекки. Как сейчас выяснилось, письмо мое его не нашло.

Вскоре «Международная книга» известила меня, что в Москву приехал библиограф Колумбийского университета мистер С. Болан, в руках которого находятся подлинные стихи и множество лермонтовских рисунков. Мы встретились. Я выразил предположение, что в его руках оказались верещагинские альбомы. И не ошибся. Мистер Болан показал фотографии. Сомнений не осталось: 8 стихотворений и 27 рисунков поэта!

Зашла речь о передаче этих альбомов в Пушкинский дом в Ленинграде. Болан ехал туда. Я известил ленинградских лермонтоведов. Болан предложил обменять альбомы на редкие журналы и книги, интересующие американских ученых. Но пока подбирали литературу, кончился срок его пребывания. Он уехал. Лермонтовские альбомы поступили в Колумбийский университет.

Летом 1962 года меня разыскал секретарь советского посольства в Бонне В. И. Иванов, приехавший в отпуск на Родину. Оказалось, что профессор Винклер обратился в наше посольство с предложением передать в Советский Союз принадлежащие ему лермонтовские реликвии. По поручению посла А. А. Смирнова Иванов ездил к нему. И ученый, познакомив его с драгоценными подлинниками, вынес целую охапку документов верещагинского архива — семейную переписку, копии лермонтовских стихов, деловые бумаги, отчеты по русским именам, попросил познакомиться с ними Андроникова, сказав при этом, что приглашает меня приехать в ФРГ в качестве его гостя.

В письме ко мне профессор Винклер писал, что хотел бы получить в обмен на «лермонтовяну» книги по русской истории, ибо в настоящее время заканчивается большой труд о русском искусстве, начиная с древних времен, кончая смертью Ивана Грозного. И вот по поручению Министерства культуры СССР с объемистыми пакетами, в которые завернуты ценные книги, выделенные Всесоюзной библиотекой имени В. И. Ленина, я лечу в Бонн, чтобы отсюда с секретарями посольства В. И. Ивановым и Н. С. Кишиловым отправиться в Мюнхен.

Профессор Мартин Винклер живет в окрестностях Мюнхена, в городке Фельдафинг, арендует нижний этаж уютного особняка. Это человек умный и тонкий, широко образованный ученый, крупный специалист в области восточноевропейских культур.

Профессор приносит в гостиную лермонтовские сокровища, кулениные в 1934 году на аукционе в замке Хохберг. Из рук в руки передаются по кругу:

автопортрет в бурке. Подлинник; портрет Лопухиной. Акварель. Подлинник; неизвестная картина Лермонтова (масло), изображающая нападение горцев на едущих в арбе женщину и мужчину. Подлинник; копия с известного стихотворения Лермонтова «Могила бойца»; здесь она называется «Песнь». С разночтениями. Автограф стихотворения Лермонтова «К С. С...ой» («Глядяся чаще в зеркало»). С разночтениями; автограф поэмы «Ангел смерти» с посвящением А. М. Верещагиной на 22-х страницах;

письмо матери Верещагиной к Александре Михайловне Верещагиной с французским экспромтом Лермонтова (неизвестным), написанным собственноручно и снабженным крохотным изображением коленапоклоненного человека;

стихотворение Лермонтова. Никому не известное. Автограф. На отдельном листке.

— Прочтите!

Один среди людского шума
Возрос под сенью чуждой я.
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.

И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.

И снова муки посетили
Мою воскресшую грудь.
Измени душу заразили
И не давали отдохнуть.

Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слез, ни пламенных страстей.

Рядом с текстом стихотворения — помета Лермонтова — «1830 года в начале». Стихотворение писано в пору, когда Лермонтову не исполнилось и шестнадцать лет. Тут чувствуется отзвуки пушкинского послания к Керн («И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь»). И в то же время это несколько не подражание, а вполне оригинальное и очень лермонтовское по духу произведение.

Отложив эти вещи, профессор Винклер, или, как он сам предложил называть себя, Мартин Эдуардович, вручает мне три альбома. Два маленьких и один большой.

— Это сюрприз!

Стараясь не торопиться, перелистываю старинные листы. ...Стихи начала XIX столетия... Жуковский... Пушкин!.. Но рука не его... Снова Пушкин!..

— Его рука?

— Нет.

Берусь за большой альбом. И почти сразу: Лермонтов — не вызывающий сомнений почерк! И подпись «М. Л.». «Посланье»! Неизвестное стихотворение Лермонтова!

Еще несколько страниц... Рука Лермонтова!

Листаю дальше: неизвестная запись «На смерть Пушкина». ...Нет, глаза меня не обманывают — лермонтовская рука!

Листаю... Рисунок пером, характерный для Лермонтова!

— Все три альбома, — поясняет профессор Винклер, — принадлежат правнуку Верещагиной. Это фрайхерр фон Кёниг фон Вартхаузен. Он позволил мне показать вам эти реликвии.

— А есть ли у него еще что-нибудь Лермонтова?

— Да, акварельный рисунок, висит на стене в его фамильном замке Вартхаузен.

По нашей просьбе профессор Винклер дозванивается до владельца альбомов, выясняет, можем ли мы приехать посмотреть акварель.

— Можно!

Мы благодарим профессора и его супругу за все — за гостеприимство, доброжелательство, за помощь в работе, за самое решение передать лермонтовские материалы в Советский Союз.

Прощаемся. Хозяева объясняют дорогу. Это в отрогах Шварцвальда — 160 километров, ехать через Ландсберг и Мейнинген, минуя Ульм, ехать на Биберах.

Замок Вартхаузен, как и полагается крепости, стоит на горе. На темном небе выступают черные очертания зубчатой стены и стрельчатых башен. По извилистой горной дороге машина въезжает в ворота. Сквозь темный парк идем к темному замку.

По широкому каменным ступеням спускается хозяин дома — изящно одетый, предупредительно вежливый человек лет сорока пяти, как бы несколько утомленный. Ведет нас наверх. Шагаем по галерее, увешанной портретами владельцев замка начиная с XVII столетия. Довольно холодно, довольно темно... В конце галереи дверь — жилые комнаты: свет, уют, тепло, низкая современная мебель, торшер, на стене — акварельный рисунок Лермонтова: стычка французских кавалеристов с русским обозом.

— По семейному преданию, — под-

тверждает господин Кёниг, — считается что это рисовал Лермонтов...

В жилых покоях знакомимся с супругой и с сестрою хозяина. На столе сервирован чай. Хозяин показывает и дарит мне фотографию с акварельного портрета, на котором А. М. Верещагина изображена еще совсем молодой. Но где может быть оригинал?

Начинаются припоминания, предположительно называются города — Штутгарт, Гейдельберг, Мюнхен...

— Об этом может знать главный учитель Штрэнг в Шлосс-Хохберг!

— Кроме того, следует позвонить в Тюбинген, фройляйн Энберг. Она говорила о переписке Лермонтова с Александрин Верещагиной!..

Тут господин Кёниг напоминает, что в 1951 году на аукционе фирмы «Карл унд Фабер» продавались автографы Лермонтова. Появляется каталог. В нем воспроизведено несколько стихотворных строк из баллады «Гость»! Лермонтовский автограф!

Кроме того, господин Кёниг показывает: в этом же каталоге значится французское стихотворение Лермонтова... О судьбе этих манускриптов следует спрашиваться в Мюнхене, на Каролиненплац, 5.

...Утро следующего дня в Мюнхене начинается с посещения аукциона. Ответ получаем буквально через минуту:

— «Гость» через господина Лаутера продан в Женеву. Автограф французского стихотворения... сейчас посмотрю... господину Штаргарду в Марбург. Он выставил его на аукционе 1954 года.

Звоним в Марбург, в антиквариат Штаргарда. Французское стихотворение ушло в Вюстемберг. Второй автограф — баллада Лермонтова на бракосочетание барона Хюгель — туда же... Рукописи других русских писателей? Да, конечно!.. Рисунок Пушкина продан в Бад-Годесберг. Фрагмент «Капитанской дочки» — автограф — в Лондон.

Из Мюнхена едем в Штутгарт, оттуда — в замок Хохберг за Людвигсбургом. Предики барона Хюгель выбрали великолепное место: судоходный Неккар, дуга, дали, живописные городки и селения.

Главный учитель г-н Штрэнг дает урок в частном доме. Узнав, зачем мы приехали, откладывает все дела и ведет показывать замок.

Много картин с аукциона купил владелец соседней виллы господин Хоршер. Учитель ведет нас на виллу. Но он должен предупредить: управляющий покажет нам только те вещи, которые висят на лестнице. Самые ценные картины заперты в комнатах. Как знать: может быть, случайно туда попало какое-нибудь полотно Лермонтова?

Выходим. Выясняется, что господин Штрэнг пишет историю замка и населенного пункта Хохберга, изучил родословия, собрал обширный материал, фотографии, снимки со старых портретов. Если у нас есть время, он хотел бы отвезти нас к себе — он живет отсюда в нескольких километрах.

...Сидим, попиваем рейнское вино, я проглядываю переписанные на машинке главы «Истории», посвященные Верещагине-Хюгель, вношу какую-то незначительную поправку. В свою очередь получаю ряд уточнений, касающихся Верещагиной и ее немецкой родни. Господин Штрэнг достает каталог вещей, продававшихся в замке: мебель, мрамор, фарфор. Книжки, рисунки, автографы составляли вторую тетрадь каталога, но второй тетради у него нет. Надо отыскать в Штутгарте фирму Хартмана, которая проводила аукцион. Кажется, эта фирма не существует, но, очевидно, дела перешли к другой. Он согласен: не может быть, чтобы Лермонтов не прислал Верещагиной своего романа «Герой нашего времени» и книжки своих стихов. Если в Штутгарте позвонить...

История, начавшаяся 126 лет назад, продолжается. За одним фактом обнаруживается десять других. Но я совершенно уверен, что теперь с помощью немецких ученых и всех, кто так или иначе связан с этой историей, мы доведем ее до конца.

Известия, 1962, 14 декабря